

Н. Н. Юсова

Идейная и терминологическая генеалогия понятия «древнерусская народность»

«Древнерусская народность» – термин, введенный советскими учеными в 40 – 50-е гг. для обозначения этнических реалий времен Киевской Руси. Древнерусская народность, по мнению советских ученых, возникла на основе восточнославянских племенных союзов после их объединения под властью Киева и стала родоначальницей русских, украинцев и белорусов. Эта концепция эта приобрела в СССР официальный характер, однако ее не принимали украинские диаспорные историки, а ныне она подвергается сомнению некоторыми белорусскими учеными. На основе комплексного обобщения опубликованных исследований, а также широкого привлечения неопубликованных работ и архивных материалов автор по-новому представляет историю становления и развития концепции древнерусской народности, более достоверно и полно воссоздает сложную историографическую ситуацию.

Ключевые слова: древнерусская народность, этногенез, концепция, историография.

Этнонимы и политонимы, как и любая другая терминология, принадлежат к сфере наименований. Первичные имена этноса или государства априори считаются онтологическими, как бы являющимися органически-изначальными, в отличие от искусственных кабинетных конструкций ученых. Наименования, созданные учеными, по своей сущности являются терминами, необходимыми орудиями для исследовательской работы. К числу последних можно отнести и искусственно сконструированное терминологическое словосочетание «древнерусская народность». В нем заложена сущность сформированной в сталинскую эпоху соответствующей концепции.

Указанное понятие раскрывается через дефиницию, а именно: «древнерусская народность» — это «восточнославянская этническая общность IX—XIII вв., общий предок россиян, украинцев и белорусов». В соответствии с концепцией советские историки начали трактовать конгломерат «русских племен» древнекиевского времени как единую народность, а

также как определенную промежуточную этнообщность, отличную от предыдущих и будущих этнических образований восточных славян, в качестве общего предка россиян, белорусов и украинцев. В этих двух моментах и заключалась основное отличие сути концепции древнерусской народности от взглядов традиционной российской историографии. Представители последней преимущественно усматривали (во-первых) в восточном славянстве периода Киевской Руси или совокупность отдельных племен (или же союзов племен) или этнопонятийно неопределенный «русский народ» (как правило, многоплеменной). В обоих случаях (это — во-вторых) восточные славяне, по убеждению большинства дореволюционных историков, переживали в древнерусскую эпоху один из первых периодов своего исторического развития — стадию становления так называемого единого русского народа, который в будущем разделится на три ветви — великорусскую, малорусскую и белорусскую, однако (непостижимым образом!) продолжал сохранять свое метафизическое единство.

Согласно обобщенной мысли советских историков, древнерусская народность сформировалась (или же только находилась на стадии формирования) в процессе слияния восточнославянских племен, катализатором чего стало их объединение в едином Древнерусском государстве. В силу внешних и (или) внутренних причин она распалась (или остановила свою дальнейшую консолидацию). Вследствие этих процессов в течение определенного времени возникли три новые отдельные народности восточных славян. Концепция/теория древнерусской народности со временем (приблизительно с середины 1950-х годов) приобрела статус доминирующей в советской историографии Киевской Руси¹.

На первый взгляд, соединение терминов «древнерусская» и «народность» в одном терминологическом выражении ка-

¹ Юсова Н. 1) Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005. С. 12; 2) «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Київ, 2006. С. 19. Здесь же, во втором, дополненном и переработанном издании работы, сделана предварительная публикация некоторых авторских наблюдений, детально изложенных в данной статье (С. 64-73).

жется полностью очевидным. Однако реально это сочетание имело длительную идейную и терминологическую генеалогию, и нынешняя его «очевидность» стала следствием определенных историографических условий, плодом гармонической согласованности некоторых результатов текущего развития исторической науки в СССР 1930-х — начала 1950-х годов и соответствующих политико-идеологических запросов коммунистического руководства страны².

Итак, цель данной статьи состоит в том, чтобы проследить идейную и терминологическую генеалогию понятия «древнерусская народность». Ввиду отсутствия соответствующей историографии проблемы можем указать лишь некоторые наши предыдущие работы по тематике генезиса концепции древнерусской народности, однако, учитывая, что их перечень (на осень 2006 г.) дан в монографии³, отсылки на часть из них будут сделаны в самом дальнейшем тексте статьи (там, где в этом появится историографическая необходимость).

Ввиду того что понятие «древнерусская народность» является основным в соответствующей концепции, исследование его идейной и терминологической генеалогии подразумевает использование источников историографического характера. Они имеют свою специфику: в них отображаются моменты, факты, ситуации историографического процесса и в то же время эти источники сами являются результатом исторического познания. В нашем случае это прежде всего научные и научно-популярные работы исследователей, причастных как к процессу создания концепции, так и к разработке советской этногенетической теории, поскольку последняя зачастую формировалась именно вокруг соответствующей разработки этногенетической терминологии. Незаменимость этих источников для нашего исследования очевидна: без них невозможно проследить и проанализировать специфику возникновения идейного и терминологического аппарата этногенетики, формирования и трансформации базовых этногенетических понятий, хронологию этапов развития концепции древнерусской народности и ее

² Юсова Н. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції... С. 14-17, 21-26.

³ Там же. С. 450-453, 513-518.

главного понятия и т. п. К числу названных источников относятся и статьи из различных российских и советских энциклопедических изданий XIX—XX вв., ценность которых состоит в том, что в них, в концентрированной и лаконичной форме содержатся этнокатегориальные понятия и термины в их эволюционном развитии.

Историографическое исследование выглядит недостаточно убедительным, если в нем не используются архивные материалы. Ведь очевидно, что историографический процесс в целом и становление историографических концепций и теорий в частности не ограничивается дискретными моментами, связанными с публикацией тех или иных работ. Составляющие исторического познания (и, собственно говоря, историографической рефлексии) — идеи, парадигмы, понятия, основные положения, та или иная концепция в целом — возникают и существуют не только в публикациях. Зачастую научные концепции и понятия во время своей апробации получают известность в научном сообществе в устной или письменной форме, которую можно зафиксировать только на уровне архивов. Это переписка между учеными, стенограммы и доклады на научных форумах, обсуждении тех или иных положений на заседаниях ученых советов, а также соответствующих отделов и кафедр в академических институтах или учебных заведениях, чтение лекций (как в вузах, так и перед широкой аудиторией), проведение семинаров и др. Не следует забывать и о неопубликованных работах историков, предварительных черновых вариантах и т. п. Изучение последних позволяет проникнуть в творческую лабораторию ученого; помогает выяснить время появления тех или иных идей, понятий, концепций; раскрывает ход мысли исследователя; сравнительный же анализ опубликованных и неопубликованных произведений помогает проследить нюансы становления и развития определенной проблематики.

В данной работе использованы архивные материалы из личных и общих фондов российских и украинских архивохранилищ — Архива РАН и его филиала в Санкт-Петербурге, Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук, Научного архива Института российской истории РАН, Института архивоведения Националь-

ной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, Научного архива Института истории Украины НАН Украины, Научного архива Института археологии НАН Украины (НА ИА НАН Украины) и др. В фондах названных архивов разысканы и использованы различные источники: подготовительные материалы, рукописи и черновики работ историков; документальный материал, раскрывающий деятельность научных учреждений исторического профиля (стенограммы, протоколы заседаний, научно-исследовательские планы и т. п.) и др.

Оба названных термина («древнерусская» и «народность») сами по себе далеко не однозначны. Хронологическая фиксация возникновения первого из них пока что не установлена. Собственно, это не столь важно. Известно, что лексикон архаических языков, как правило, не имеет сложных слов, в частности, таких, которые образуются соединением двух имен прилагательных и т. п. Конструирование простых слов в более сложные лексические конструкции в восточнославянских языках происходит в процессе формирования литературных языков, поэтому и имя прилагательное «древнерусская» появилось где-то в первой половине XIX в. В этом же столетии в лексикон образованных слоев общества снова возвращается этнополитоним «Русь», а для того, чтобы отличать современную «Русь» от средневековой, к этому термину начинают добавлять определение «древняя». Возможно, первым такое словосочетание применил один из творцов русского литературного языка А. С. Пушкин. Так, оценивая в целом «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, поэт отмечал: «...Древняя Русь, казалось бы, найденная Карамзиным, как Америка Колумбом»⁴. Заметим, что термин «Древняя Русь» употреблялся как для обозначения «общерусского» государства (или конфедерации русских княжеств удельного периода) домонгольской эпохи, так и Северо-Восточной Руси уже послемонгольского периода, а со временем — и к Московскому государству.

Между тем, казалось бы, соединение слов «древний» и «русский» в одно слово состоялось где-то в середине XIX в. —

⁴ Цит. по: *Сахаров А. Н.* Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) // *Историки России. Биографии* / Сост., отв. ред. А. А. Чернобаев. М., 2001. С. 85.

впервые в работах филологов, в частности И. И. Срезневского. Вообще же вопросы древнерусской этноязыковой общности впервые на научном уровне подняли восточнославянские языковеды в первой половине XIX в.; ими и были созданы предпосылки для возникновения в будущем концепции о древнерусской народности⁵.

Понятийно-категориальный аппарат этногенетики в XIX в. (как и значительно позже) еще не был разработан. Собственно, не существовало и такой дисциплины. В целом термины «нация», «национальность», «народность», даже — «племя» употреблялись синонимически⁶. Об этом, в определенной степени, свидетельствуют, например, статьи с соответствующими заглавиями в энциклопедических словарях того времени. Так, в словаре под редакцией Ф. Толля (издание 1864 г.) отмечается, что «национальность — то же самое, что и народность, но уже более развитая»⁷. А в дефиниции нации речь идет о том, что это «народ, который достиг национальности (здесь и далее курсив мой. — Н. Ю.)»⁸. Под понятием «народность» в приведенном примере понимается «совокупность физических и моральных особенностей, что отличают один народ от всех других одного племени»⁹. В то же время народ — это «часть племени, отделившаяся под влиянием своеобразных условий своего развития»¹⁰. Важным в этом словаре является замечание, что народность предшествует национальности¹¹. Аналогичным образом раскрывается понятие «народность» и в глоссарии И. М. Березина (издания 1878 г.)¹². Что же касается национальности,

⁵ Седов В. В. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 7-11.

⁶ Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период) // На путях становления украинской и белорусской наций: Факторы, механизмы, соотношения. М., 2004. С. 129.

⁷ Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. В 3 т. СПб., 1864. Т. II. С. 979.

⁸ Там же. С. 979.

⁹ Там же. С. 972.

¹⁰ Там же. С. 972.

¹¹ Там же. С. 972.

¹² Российский энциклопедический словарь. СПб., 1878. Отдел III. Т. II. С. 558.

то в этом словаре она не отделяется от нации, а определяется как особенная черта последней¹³.

В начале XX в. в энциклопедическом издании под редакцией С. И. Южакова указывалось, что народность и национальность — это группы людей, которые этнически объединены, а разница между данными общностями заключается в том, что вторая из них является «многочисленной и культурно-самобытной»¹⁴. К тому же народность, в отличие от национальности, является более этнически однородной. Нация — «высшая форма единства» общности, отличающаяся от народности и национальности сознанием своего единства¹⁵. Согласно мысли С. И. Южакова (который был автором соответствующих статей), этногенетическая иерархия выглядит таким образом: «народность, объединенная происхождением и языком, национальность — языком и культурой, нация — культурой и сознанием своего единства»¹⁶. Под культурой автор, как можно догадаться, понимал цивилизационно развитую ее ипостась. Между тем еще в начале 1890-х годов в энциклопедической статье «Великороссы» российский антрополог Д. М. Анучин писал, что народность отличается такими признаками, как язык и своеобразные черты в быту и нраве¹⁷. В позднейшей работе он уже указывал, что языковой признак — главный для племени, а народность должна иметь «общую культуру, историю, народное сознание»¹⁸.

В соответствующих статьях из «Нового энциклопедического словаря» (1916 г.) понятие «народ» употребляется в политическом понимании¹⁹, а понятие «народность» и «национальность» понимаются одинаково²⁰. Однако автор статьи о

¹³ Там же. С. 590.

¹⁴ Большая энциклопедия / Под ред. С. И. Южакова. СПб., 1903. Т. 13. С. 660, 714.

¹⁵ Там же. С. 715.

¹⁶ Там же. С. 714.

¹⁷ Анучин Д. М. Великороссы // Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. V а. С. 829

¹⁸ Левин М. Г. Очерки по истории антропологии в России. М., 1960. С. 124-125.

¹⁹ Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. И. И. Арсеньева. Пг., 1916. Т. 27. С. 950.

²⁰ Там же. Т. 28. С. 107-111.

нации (некто — В. Водовозов) указывает на большие трудности в уяснении национальных явлений, связанные с неразработанностью и запутанностью терминов — «нация», «народ», «национальность» и «народность». Далее автор подает их значение в немецкой, французской, английской и российской социологии. Он констатирует распространенность синонимического понимания названных терминов в России²¹. Главный признак нации, согласно В. Водовозову, — национальное самосознание. Понятия «народность» и «национальность» этот исследователь использовал применительно к обозначению малых народов в России.

Такая ситуация с этногенетической терминологией прослеживается в работах историков начала XX в., как российских, так и украинских. Так, например, неустоявшееся наполнение этногенетического лексикона отмечал в 1907 г. А. Е. Пресняков²². Российский ученый скептически отнесся к возможности дать исчерпывающие дефиниции этим понятиям. Вместо этого исследователь предлагал рассматривать их как последовательные переходящие звенья эволюционного ряда сложного исторического развития: «Оно (понятие. — *Н. Ю.*), как и много исторических понятий, разворачивается при анализе в эволюционное звено — от расового инстинкта через субъективную народность к политически сознательной нации»²³. Украинский историк И. А. Линниченко считал племя и народ синонимическими понятиями, составляющими первый компонент этногенетической иерархии. Вслед за ними идет понятие нации. Эти понятия являются родовыми, а народность, которая есть составная часть нации, согласно логике А. И. Линниченко, — видовое понятие²⁴.

²¹ Там же. С. 119-120.

²² *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1938. Т. I. Киевская Русь. С. 8.

²³ Там же.

²⁴ *Линниченко И. А.* Малорусский вопрос и автономия Малороссии. (Открытое письмо проф. М. Грушевскому) // Энциклопедическая библиотека обществоведения. Серия 1-я. Вопросы государственного строя. Пг.; Одесса, 1917. Вып. 3. С. 25-26.

В 1913 г. появилась статья И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос»²⁵, где подавалось определение нации, которое спустя десятилетия в советской этногенетике стало классическим: «Нация есть исторически устойчивая общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психологического уклада, который проявляется в общности культуры. При этом само собой понятно, что нация, как и любое историческое явление, подчиняется закону изменений, имеет свою историю. Начало и конец»²⁶. Согласно И. В. Сталину, нации возникают во время перехода от феодализма к капитализму: «чистых» наций не бывает, они «состоят из различных рас и племен»²⁷. Он трактовал «нацию» как историческое понятие, а «племя» — как этнографическое.

Что же касается терминов «народность» и «национальность», то И. В. Сталин употреблял их синонимически, в основном аналогично трактовкам, содержащимся в статьях российских энциклопедий и словарей того времени²⁸.

После Октябрьского переворота представители научных кругов продолжают констатировать неустойчивость терминов в сфере этнонациональных категорий. Так, в статье известного социолога М. Ковалевского (энциклопедический словарь «Гранат») указывалось, что существует большое число дефиниций последних²⁹. В первом издании «Большой советской энциклопедии» вообще не было статей о понятиях «народ» и «народность», а «национальность» понималась в юридических терминах³⁰. На страницах 41-го тома названной энциклопедии, вышедшего в свет в 1939 г., уже появляется сталинская дефиниция нации³¹. Однако до начала 1940-х годов в науке не было выработано четких определений других этногенетических понятий. Так, хотя термин «народность» использовался в совет-

²⁵ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос / Сб. избр. ст. и речей. М., 1937. С. 3-45.

²⁶ Там же. С. 11.

²⁷ Там же. С. 9.

²⁸ Там же. С. 4-10.

²⁹ Энциклопедический словарь Русского биографического института «Гранат». 13-е стереотипное издание. М., [б. г.]. Т. 30. С. 59-68.

³⁰ Большая советская энциклопедия. М., 1939. Т. 41. С. 371-372.

³¹ Там же. С. 402.

ских исторических разработках, но в него не вкладывалось понимание/осознание определенной этногенетической категории³², тем более — в значении переходной этнической общности (времен Средневековья) между племенным союзом и народностью эпохи складывания ранне-неомодерных централизованных государств, например, в Восточной Европе.

Аналогичная ситуация с терминологией прослеживается и с применением данных наименований к истории восточных славян периода Средневековья: рядом с терминологическим выражением «восточные славяне» бытуют иные формулировки в синонимическом значении. Для примера назовем такие, как: «русский народ», «русские», «русское племя», «русские племена», «древнерусские племена», «русские славяне» и даже просто «славяне»³³. Скажем, кандидатская диссертация Б. А. Рыбакова называлась «Древнерусское племя радимичей»³⁴. Иное племя — древляне — в словаре «Гранат» именовалось «старорусским»³⁵. Между тем относительно наименования всех восточных славян все-таки превалировало применение выражения «русский народ». Не говоря уже о неоднозначности этого термина, когда преимущественно широкие круги в СССР и иностранцы понимали под ним российский народ, а российские советские историки традиционно продолжали мыслить восточное славянство как «триединый русский народ»³⁶, хотя, конечно, последний термин не прижился. Большей частью употребляли термин «единый русский народ» (или «народность»). Осознание восточнославянских народов как единого этнического («племенного») целого испокон веков и до современности

³² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 5.

³³ Там же. С. 5.

³⁴ Научный архив Института археологии РАН. Ф. Р-2. Ед. хр. 2481. 141 лл.

³⁵ Энциклопедический словарь. «Гранат». Т. 19. С. 75.

³⁶ Удальцов А. Д. 1) Теоретические основы этногенетических исследований // Известия АН СССР. 1944. Вып. I. № 6. С. 252-265; 2) Начальный период восточнославянского этногенеза // Исторический журнал. 1943. № 11-12. С. 67-72; Державин Н. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского. М., 1944; Пичета В. [Рец. на кн.:] Державин Н. Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 121-125 и др.

менности имеет существенное сходство с концепцией древнерусской народности. Ведь эта народность (согласно мысли авторов самой идеи) и была таким единым этническим целым хотя бы в средневековый период восточнославянской истории.

Часть дореволюционных российских историков хотя и не признавали украинцев и белорусов за полностью отдельные народы или народности, но принимали их этноязыковую дифференциацию в рамках единого «русского» народа, начиная или с удельного периода или же со времени монголо-татарского нашествия. Обычно для обозначения трех составных частей «общерусского» народа использовался термин «ветка», «ветвь», иногда — «племя». Таких взглядов, например, придерживался В. О. Ключевский. Историк высказал тезис о «разрыве народности», случившемся в удельный период: «русский народ, который зародился в первый период (то есть — в эпоху Киевской Руси. — *Н. Ю.*), в течение второго разорвался пополам»³⁷. Вслед за тем возникает еще и третья «ветка» — белорусская³⁸. Итак, по мнению В. О. Ключевского, в древнерусскую эпоху зародился «русский» народ, который породил три «ветки» «общерусского» народа современного периода.

Разделяя парадигму «единой русской народности» и Н. И. Костомаров, который также признавал существование в «удельно-вечевую эпоху» единого «русского» народа³⁹ как большого этнического целого, что, однако, не исключало этнографического своеобразия отдельных его частей⁴⁰. «Русский народ» той поры состоял, по Н. И. Костомарову, из шести народностей (южнорусской, белорусской, сиверской, псковской, новгородской и великорусской), иначе говоря — не был монолитной этнообщностью; и существование этого народа пред-

³⁷ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. I. Курс русской истории. Ч. I. С. 294, 295-296.

³⁸ Там же. С. 298.

³⁹ Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси // Костомаров Н. И. Собрание сочинений: Исторические монографии и исследования. В 8 кн., 21 т. СПб., 1903. Кн. I. Т. I. С. 24.

⁴⁰ Ср.: Толочко О. П., Толочко П. П. Київська Русь. Київ, 1998. С. 291.

ставлялось ученому в виде «общерусской народной стихии»⁴¹. Признаками единства «русского народа» исследователь считал: происхождение, быт, язык, единый княжеский род, христианскую веру и единую Церковь⁴². Ученый детально раскрывал и аргументировал эти основы единства⁴³. Наиважнейшим компонентом единства частей «русского» народа стала, как полагал Н. И. Костомаров, православная вера и единая Церковь⁴⁴. Так, православие «образовывало и утверждало высшую единую народность (выделено мной. — *Н. Ю.*) вместо отдельных»⁴⁵. Н. И. Костомаров предложил рассматривать этническую консолидацию определенной общности через выделение признаков ее единства или же единства ее отдельных частей. Такой теоретический подход стал характерным для советских творцов концепции древнерусской народности.

Придерживался мысли о том, что все три восточнославянских народа в течение всей своей истории составляли «единый русский народ», также и А. Е. Пресняков. Так, во вступительной лекции своего университетского курса второй редакции (1915 г.) ученый, оценивая роль Киевской Руси в истории восточного славянства, указывал, что «в общем ходе русской истории Киевская Русь имеет огромное значение как период выработки всех основ позднейшей национальной жизни, как бы далеко не отличалось позднее дальнейшее развитие этих основ по распределению населения Киевской Руси на новые культурно-исторические типы: малороссов, белорусов, великороссов»⁴⁶. Важно отметить, что историк почти вплотную приблизился к представлению, напоминавшему позднейший концепт «древнерусской народности», подчеркивая одновременно отличие этой общности от тех, которые развились в более позднее время. В частности, во вступительной лекции второй редакции А. Е. Пресняков указывал: «Киевская Русь впервые выработала из этнографического материала восточнославянских

⁴¹ Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в Древней Руси. С. 13.

⁴² Там же. С. 14.

⁴³ Там же. С. 14-30.

⁴⁴ Там же. С. 25-29.

⁴⁵ Там же. С. 29.

⁴⁶ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. С. 12.

племен историческую народность (выделено мной. — *Н. Ю.*)»⁴⁷. Эта восточнославянская основа «русской народности» была «слишком крепкой и определенной в Киевской Руси, чтобы не определить навеки судьбу и характер всей восточноевропейской жизни»⁴⁸. Во вступительной лекции курса 1907—1908 гг. А. Е. Пресняков акцентирует внимание на том, что «выделение восточнославянских племен из общей массы племен славянских, начало их культурно-исторической индивидуализации и постепенного объединения в новую народность (выделено мной. — *Н. Ю.*) и составляет первый вопрос курса древнерусской истории»⁴⁹. Согласно мнению В. С. Брачева и А. Ю. Дворниченко, положения А. Е. Преснякова получили свое развитие в работах главного творца концепции древнерусской народности, автора самого этого термина — ленинградского историка В. В. Мавродина⁵⁰.

С утверждением сталинского варианта тоталитаризма все большую роль в развитии исторической науки играют политико-идеологические факторы. Ведущим направлением исторических исследований для академических научно-исследовательских учреждений, после выхода известных партийно-государственных документов 1934—1936 гг. признавалось изучение истории СССР как истории собственно народов СССР⁵¹. Это объяснялось сверхзаданием, ставившимся перед историками партийным руководством, — обосновать историческую обусловленность возникновения многонационального СССР⁵². С одной стороны, это (внешне — интернационалистское задание) должно было способствовать идеологическому укреплению («дружба народов») союзного государства, а с

⁴⁷ Там же. С. 12.

⁴⁸ *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2. Западная Русь и Литовско-Русское государство. С. 53, 62.

⁴⁹ *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. I. С. 10-11.

⁵⁰ *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834—2004). СПб., 2004. С. 114.

⁵¹ Отчет Института истории феодальных обществ Государственной академии материальной культуры за 1935 г. // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2. 1936 г. Ед. хр. 1. Л. 6.

⁵² *Аксенова Е. П., Васильев М. А.* Проблемы этногонии славянства и его ветвей в академических дискуссиях рубежа 1930—1940-х годов // *Славяноведение*. 1993. № 2. С. 86.

другой — служить внешнеэкспансионистской пропаганде в смысле обоснования возможного присоединения к СССР новых союзных республик из числа соседних государств⁵³.

С середины 1930-х годов в исторической науке СССР формируется новая парадигма истории Киевской Руси, в рамках которой было выработано положение о славянских народах (или их предках). Этот тезис создавал основы для обоснования издревле существующей общности исторического процесса восточных славян, что, в свою очередь, наилучшим образом отвечало обоснованию исторической обусловленности возникновения многонационального СССР. Актуализация и внедрение данной концепции совпали с актуализацией и началом исследований в сфере восточнославянского этногенеза. Наконец, и то и другое служило делу разрешения указанного выше политического сверх задания. Между тем этногенетические исследования возродились в СССР в конце 1930-х годов прежде всего как реакция на внешнеполитический вызов — пропаганду расовых доктрин пангерманизма в нацистской интерпретации.

В связи с внешней угрозой сталинское руководство сделало ставку на возрождение великодержавной парадигмы. Последняя с необходимостью должна была базироваться на идеологии российского патриотизма-национализма. Эта идеология требовала своего онтологического укрепления, которое и должны были придать исследования восточнославянского этногенеза; под последним тогда зачастую подразумевался этногенез «русского» народа. Однако полное возвращение к концепции имперской историографии «единого русского народа» (в составе белорусов, россиян и украинцев) противоречило интернационалистической составляющей большевистской идеологии и реалиям национальной политики большевиков. Поэтому исследовательская мысль советских историков-этногенетиков развивалась в направлении признания этнокультурной общности восточных славян древнерусской эпохи в смысле трактовки ее как общего предка белорусов, россиян и

⁵³ Ср.: *Єфименко Г.* Сталінська національна політика серед українців Росії в 1930-ті рр.: правило чи виняток? // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки: Міжвідомчий зб. наук. праць. Київ, 2003. Вип. 11. С. 364.

украинцев, которые признавались отдельными народами. Итак, генезис концепции о древнерусской этнообщности имел непосредственную связь как с парадигмой Киевской Руси как общим периодом истории восточнославянских народов, так и с исследованиями в сфере их этногенеза.

Отсчет зарождения концепции древнерусской народности в советской науке надлежит начинать с первой половины 1930-х годов, когда, в частности, прилагательное «древнерусский» было впервые использовано в контексте, близком к понятию «древнерусская народность». Это сделал ведущий ленинградский историк М. М. Цвибак, который занимал официальные посты в Государственной академии материальной культуры. По его мнению, Киевское государство образовали различные этнические элементы под общим названием «Русь»; «круть» же, в соответствии с концепцией М. М. Цвибака, была господствующим феодальным слоем⁵⁴. Научный сотрудник пытался дать объяснение этническим процессам в Древней Руси. Они, по К. Марксу (а также и М. М. Цвибаку), тесно связаны с процессом феодализации древнерусского общества. Слияние племен в Руси происходило путем феодализации, направлявшейся господствующей прослойкой из Киева. Этому процессу также способствовало принятие христианства⁵⁵. М. М. Цвибак фактически утверждал существование древнерусской народности на уровне ведущего (элитного) слоя общества: «Этот феодальный класс, подчиняя многие народы, сам все более этнически кристаллизуется как «древнерусский» (выделено мной. — *Н. Ю.*) на византийско-церковно-славянской основе по языку»⁵⁶.

В контексте темы внедрения в исторической науке СССР концепции «обще-русскости» Киевской Руси следует коснуться еще одного вопроса — вопроса о закреплении в науке положений о высоком уровне развития Древнерусского государства. Обращение к нему было обусловлено сугубо политико-идеологическими факторами. В связи с началом борьбы с

⁵⁴ Цвибак М. М. К вопросу о генезисе феодализма в древней Руси // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М., 1934. (Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 103). С. 86.

⁵⁵ Там же. С. 99—100.

⁵⁶ Там же. С. 100.

фашистскими фальсификациями истории славянства (прежде всего — восточного) советские историки с середины 1930-х годов начинают доказывать, что славянские племена и народы в древние периоды истории стояли на более высоком (или же аналогичном) уровне социально- культурного развития по сравнению с германскими⁵⁷.

Тезис о высокой степени (в политическом, социально-культурном и т. п. измерениях) зрелости одновременно с положениями об «общерусскости» этого государственного объединения создавали фундамент для зарождения размышлений относительно зрелости и значительной консолидации восточнославянского общества Киевской Руси. Тезисы о могущественном государстве, феодальном обществе, высокой культуре приводили к мысли, что творцом этого был «великий русский народ» (то есть — общерусский или восточнославянский), а не примитивные племена. А отсюда, сообразно данной логике, следовало заключение: этническое единство восточнославянских племен было достаточно высоким, чтобы применять к нему соответствующую этно- категорию высшей этногенетической иерархии, иначе говоря — «народ» или «народность».

Научным импульсом для разработки проблем славянской этногонии академическими институтами стала работа над многотомным проектом «История СССР», вызвавшая необходимость создания целостной концепции происхождения славян и их восточной ветви⁵⁸. Исследования вопросов этногенеза славян, прежде всего восточных, с конца 1930-х годов прочно заняли основательные позиции в планах Института истории АН

⁵⁷ Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 2. Оп. 1935 г. Ед. хр. 196. Л. 6-7 об.; *Левченко М. В.* Византия и славяне в VI—VII вв. // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 23-48; *Горянов Б. А.* Славянские поселения и их общественный строй // Там же. 1939. № 1. С. 308-318; *Мишулин А. В.* Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // Там же. 1939. № 1. С. 290-307.

⁵⁸ *Аксенова Е. П., Васильев М. А.* Проблемы этногонии славянства. С. 87. См. также: *Алаторцева А. И.* Журнал «Историк-марксист». 1926—1941. М., 1979. С. 242.

СССР⁵⁹ и Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (далее — ИИМК)⁶⁰.

На первом совещании по вопросам этногенеза, состоявшемся на базе Института истории АН СССР 10 сентября 1938 г., председательствующий профессор А. Д. Удальцов поставил вопрос о необходимости исследования происхождения «русского народа»⁶¹. Позднее, после совещания, ученый составил проект программы исследований по этногенезу. Первым вопросом в проекте указано: «Происхождение славян, восточных, западных и южных, в том числе: 1) Происхождение русского народа, в его этнических отношениях со скифами, сарматами, венетами (склавины и анты), финнами, хазарами и другими племенами В. Европы, в связи с вопросом о великоруссах, украинцах и белорусах»⁶². Очевидно, что при такой постановке вопроса, под «русским» народом А. Удальцов имел в виду общего предка трех восточнославянских народов, иначе говоря, в этой части проекта он фактически поставил (впервые!) перед этногенетиками задание по изучению происхождения и последующей этнической судьбы древнерусской народности (если применять более поздний термин относительно обозначения «общего предка»).

В 1939 г. в ИИМК был создан специальный коллектив научных сотрудников, занимавшийся исследованиями этногенеза славян в связи с работой над I томом «Истории СССР»⁶³. В ходе работы ведущие сотрудники ИИМК П. Н. Третьяков и М. И. Артамонов разработали общую концепцию этногонии восточного славянства, в соответствии с которой древнерусская культура и государственность постепенно оформились вследствие слияния или консолидации двух групп (северной и

⁵⁹ *Алаторцева А. И.* Журнал «Историк-марксист». С. 241.

⁶⁰ Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 312. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 19, 34; Там же. Ед. хр. 47. Л. 19; Там же. Ед. хр. 50. Л. 27.

⁶¹ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 5. Ед. хр. 143. Л. 4.

⁶² Там же. Л. 47.

⁶³ Там же. Ф. 457. Оп. 1—1940 г. Ед. хр. 13. Л. 3-4; Научный архив Института археологии РАН. Ф. 5. Ед. хр. 95. Л. 46.

южной) племен восточных славян, которые мало-помалу формируются в «определенную этническую целостность»⁶⁴.

В своем докладе «Спорные вопросы древней истории славян и Руси», прочтенном на мартовской 1940 г. сессии Отделения истории и философии (далее — ОИФ), М. И. Артамонов (директор ИИМК с октября 1939 г.⁶⁵) по поводу работы над II томом «Истории» указывал, что в нем большое внимание было уделено истории «русских славян» в связи с замечаниями рецензентов о недостаточном освещении этого вопроса⁶⁶. В своем научном выступлении директор ИИМК рассмотрел теоретические аспекты восточнославянского этногенеза на стадии союза племен. Ученый считал, что условием создания определенного «этнического единства» может быть реальное объединение племенных групп, при котором индивидуальные признаки этих групп нивелируются и уступают место целостным и совместным (как по количеству, так и по качеству) признакам единства⁶⁷. Уже в VI в., по мнению М. И. Артамонова, в ряде восточнославянских племен возникают признаки этнической общности и единства, что делает их целостным этническим образованием⁶⁸. Далее археолог подробно остановился на выяснении признаков единства племенных союзов как определенной целостной общности⁶⁹. Близко подойдя к определению этой общности как народности, М. И. Артамонов все-таки не употребил данную этнокатегорию. Академик Ю. В. Готье, выступивший в обсуждении доклада М. И. Артамонова, а также одновременно и как его содокладчик, указывал, что необходимо отыскать четкую формулировку касательно такого этнического явления, как племенная союз⁷⁰. В этом Ю. В. Готье под-

⁶⁴ См., напр.: *Третьяков П. Н.* Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1939. Вып. 2. С. 5.

⁶⁵ Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35. Оп. 5. Ед. хр. 10. Л. 55.

⁶⁶ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940 г. Ед. хр. 13. Л. 3, 4.

⁶⁷ Там же. Л. 10.

⁶⁸ Там же. Л. 11.

⁶⁹ Там же. Л. 20—23.

⁷⁰ Там же. Л. 30.

держал директор Института этнографии АН СССР С. П. Толстов⁷¹.

В мае 1940 г. состоялось совещание ОИФ АН СССР, где обсуждалось состояние работы над I и II томами «Истории СССР». Во время совещания Б. Д. Греков коснулся проблемы терминологически-понятийного лексикона этногенетики. Официальный руководитель исторической науки поднял вопрос о необходимости установить разницу между такими этническими категориями, как «племя», «племенной союз» и «племенные объединения»⁷². В обсуждении этого вопроса выступили Н. С. Державин и М. И. Артамонов. Первый из них считал целесообразным при изложении этногенеза восточных славян на этапе государствообразования применять терминологическое словосочетание «союз племен»; поскольку, по его мнению, оно подчеркивало политический момент, отражавший начало формирования государственности у восточных славян⁷³. М. И. Артамонов же наконец-то (и, как предполагаем, впервые среди советских гуманитариев) предложил понимать под «племенным союзом» с соответствующими признаками единства именно «народность» как определенную этнокатегорию⁷⁴.

Ведущие ученые, в той или иной степени причастные к созданию многотомной «Истории СССР», в частности — академики Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, Н. С. Державин и другие, как уже отмечалось, использовали термин «русский народ» наравне с термином «восточные славяне»⁷⁵. Рассмотрим теперь этногенетическую терминологию и наиболее показательные размышления советских историков относительно этногенетических процессов в древнерусском обществе.

В своих работах Н. С. Державин преимущественно использовал применительно к восточным славянам термины «русский народ» или «русские славяне». Согласно глоттогонической теории Н. Я. Марра Н. С. Державин считал, что «русский

⁷¹ Там же. Ед. хр. 11. Л. 11.

⁷² Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 312. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 14.

⁷³ Там же. Ф. 312. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 31.

⁷⁴ Там же. Л. 23.

⁷⁵ Ср.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. С. 6.

народ» возник постепенно, начиная с доисторических времен, из межплеменных скрещиваний, растворивших предыдущее племенное наследие в новом племенном образовании⁷⁶. Период Киевской Руси, по Н. С. Державину, есть лишь один из этапов этногенеза («этнографического становления или этнографической формации») «русского народа»⁷⁷. С этого момента, по мнению ученого, начинается усиленный процесс дифференциации, или складывания, «этих племен в своеобразные этнические или лингвистические единицы, которыми являются великорусский, украинский и белорусский народы»⁷⁸. Однако культура Киевской Руси была однородной и общей для всех племен «русского народа»⁷⁹. По мысли Н. С. Державина, народ образуется тогда, когда существует осознание представителями этой этнической общности себя как политически и культурно окрепшего целого, как «конкретной живой и активной единицы в международном окружении»⁸⁰.

Также и у Б. Д. Грекова прослеживается зависимость от традиционных представлений дореволюционной историографии по поводу взглядов на восточнославянские народы в прошлом и настоящем как на определенное этническое целое — один «русский народ». Об этом определенно свидетельствуют некоторые выражения историка. Так, на совещании историков в мае 1940 г. академик прямо высказался, что «русский народ» состоит из трех «веток» (или «частей») ⁸¹. В «дофеодальный» (по Б. Д. Грекову, этот этап продолжался приблизительно до XI в.) период существования Киевского государства «русский народ» в социально-экономическом аспекте не был достаточно консолидированным, потому что он тогда представлял собой «совокупность мелких сельских общин», слабо связанных между собой экономически⁸². Поэтому условием дальнейшего

⁷⁶ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Ед. хр. 11. Л. 83. Ср.: Державин Н. С. Происхождение русского народа. С. 48.

⁷⁷ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Ед. хр. 11. Л. 83.

⁷⁸ Там же. Л. 106.

⁷⁹ Там же. Л. 94.

⁸⁰ Там же. Ф. 394. Оп. 13. Ед. хр. 9. Л. 7.

⁸¹ Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 312. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 8 об.

⁸² Греков Б. Спорные вопросы периодизации древней истории народов СССР // Исторический журнал. 1940. № 6. С. 8.

существования, как полагал Б. Греков, на этом этапе и становится государственная власть⁸³. Ученый трактовал наименование «русь» в этническом смысле. Народ «русси», то есть восточнославянское этническое единство, уже существовал до образования государства⁸⁴.

Большое внимание этногенетическим вопросам и проблемам этнического единства восточных славян древнерусской эпохи уделил В. И. Пичета⁸⁵. Он одним из первых стал активно применять в своих теоретических построениях положения И. В. Сталина, почерпнутые со страниц работы «Марксизм и национальный вопрос». Скажем, в одной из научно-популярных лекций 1939 г. В. И. Пичета, отмечая как аксиому тот факт, что нация является категорией исторической, указывает, что и образование народа, перерастание его в нацию есть также историческая категория. Согласно В. И. Пичете, должен «пройти определенный отрезок времени, когда первичные этнические элементы, разбросанные, не связанные ничем, наконец-то сольются», а тогда вследствие этого этнического слияния «образуется новый этнический элемент, получающий наименование того или иного народа»⁸⁶. В статье, опубликованной в декабрьском номере «Советской книги» за 1939 г., он и понятие «народность» относит к исторической категории, но никакой дефиниции не дает, а также не указывает ее место в этногенетической иерархии⁸⁷.

В упомянутой лекции В. И. Пичета оговаривает, что будущие народности восточных славян раннемодерного времени сформировались на основе всех восточнославянских племен⁸⁸, иными словами — на основе «русского народа». Если доводить эту мысль до логического завершения, то очевидно, что этот

⁸³ Там же.

⁸⁴ Греков Б. Д. Древнейшие судьбы Западной Украины // Новый мир. 1939. № 10—11. С. 248-256.

⁸⁵ О вкладе этого ученого-славяноведа в процесс формирования концепции древнерусской народности подробнее см.: Юсова Н. В. Пичета та генезис концепції давньоруської народності // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. Міжвідомчий зб. наук. пр. Київ, 2005. Вип. 14. С. 381-403.

⁸⁶ Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 7 об.-8.

⁸⁷ Пичета В. И. Западная Украина и Западная Белоруссия // Советская книга. 1939. № 12. С. 163.

⁸⁸ Архив РАН. Ф. 1548. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 11-11 об.

«русский народ» является общим предком белорусов, россиян и украинцев. В ином случае В. И. Пичета указывает, что термин «русский народ» он применяет относительно древнерусской эпохи в «широком» понимании⁸⁹ (очевидно, что отнюдь не в значении «великорусского», а в смысле «общерусского» народа).

В книге «Образование русского национального государства» (1941, второе издание) В. В. Мавродин выдвигает тезис о том, что «русские» времен Киевской Руси, «стали основой для формирования не только собственной российской, то есть великорусской, но также украинской и белорусской национальностей»⁹⁰. Историк имеет в виду под «русскими» — все восточнославянские племена, иначе говоря, они все вместе были предками названных народов. Отсюда логически следует, что эти племена представляли собой какую-то «определенную этническую целостность» (формулировка П. Н. Третьякова⁹¹). Однако В. В. Мавродин не решается применить к этой «этнической целостности» термин «национальность» или «народность» (как это делал, например, В. И. Пичета), ибо в работах И. В. Сталина названный термин употреблен лишь относительно периода образования на пространстве Восточной Европы централизованных государств. Поэтому В. В. Мавродин останавливается на терминах «русские» и «русские племена».

Исследователи, начавшие в конце 1930-х годов разрабатывать проблемы этногенеза восточных славян, столкнулись с существенными лакунами в теоретической плоскости. Прежде всего не был разработан терминологически-понятийный лексикон. Эти бреши не способствовали теоретическому обоснованию применения этнокатегориального понятия «народность» к более ранним периодам формационного и политического развития этнических общностей, в частности восточнославянской. Только во время Великой Отечественной войны была наконец-то разработана понятийно-терминологическая часть этногенетики. Скажем, в этногенетическом таксономическом

⁸⁹ Там же. Ед. хр. 131. Л. 4.

⁹⁰ *Мавродин В. В.* Образование русского национального государства. М.; Л., 1941. С. 4.

⁹¹ *Третьяков П. Н.* Археологические памятники восточнославянских племен... С. 5.

ряду были легализованы промежуточные между этнокатегориями «племя» и раннемодерная «народность» звенья: это этнокатегории «народ» и дораннемодерная «народность».

Важное значение для легитимации этногенетической терминологии и для формирования концепции древнерусской народности сыграла первая сессия военных лет Комиссии по вопросам этногенеза и этнографии, состоявшаяся 27 августа — 3 сентября 1942 г. в Ташкенте⁹². С докладом общетеоретического характера — «Теоретические основы этногенетических исследований» выступил председатель комиссии А. Д. Удальцов⁹³. Названное выступление А. Д. Удальцова легло в основу его статьи с аналогичным названием, опубликованной в 1944 г.⁹⁴. В этом докладе в контексте рассмотрения базисных компонентов этногенетики впервые была предпринята попытка поставить вопрос о древнерусской народности (у А. Д. Удальцова — «русской» или «общерусской народности») в теоретической плоскости.

Важным шагом в методологическом аспекте А. Д. Удальцов считал создание научной терминологии этногенетики. Это в первую очередь касалось основных единиц — племя, народ, народность или национальность⁹⁵. А. Д. Удальцов предпринял попытку дать собственные определения указанным основным этническим категориям. В соответствии со сталинской национальной теорией А. Д. Удальцов трактует племя как понятие этнографическое, а нацию — как историческое⁹⁶. Под племенем А. Д. Удальцов имеет в виду первичное образование — «нечто первичное, восходящее»; племя является характерным для первобытной общины. Вслед за племенем А. Д. Удальцов выделяет в определенной степени аморфную этническую категорию — «союз племен». Далее исследователь очерчивает «при переходе от первобытной общины к классовому обществу» на стадии «военной демократии» особенную этническую

⁹² Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 1. 63 лл.; Там же. Ед. хр. 7. 22 лл.

⁹³ Там же. Ед. хр. 1. Л. 1-11.

⁹⁴ Удальцов А. Д. Теоретические основы этногенетических исследований. С. 252-265.

⁹⁵ Там же. С. 253. Ср.: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. С. 5.

⁹⁶ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. I. С. 12.

катеорию — народ, появляющийся «на основе слияния нескольких племен»⁹⁷.

Ученый отличает понятие «народ» от «народности». Важным моментом является то, что А. Д. Удальцовым вводится в научный оборот этнокатегория «народность» в более широком диапазоне ее применения, нежели это следовало из работ И. В. Сталина (у того используется преимущественно синонимический к «народности» термин «национальность»). По мнению А. Д. Удальцова, народности могут возникать в эпоху рабовладельческих и раннефеодальных государств наряду с народом. В отличие от народа народности куда более крупные этнические общности «относительно языка и жизненного устоя», хотя и менее стойкие, нежели нации. А. Д. Удальцов выделяет разные формы народностей, которые, согласно его размышлениям отличаются разнообразными степенями общности. По его мнению, как «народы», так и «народности», могут существовать и в начале феодального периода⁹⁸.

В этническом развитии происходят, по А. Д. Удальцову, процессы консолидации и дифференциации. Первоначальным процессом является процесс консолидации или интеграции. Поэтому, например, восточное славянство обязательно должно было пройти этап своего «единства». Действительно, согласно взглядам А. Д. Удальцова, это «единство» образуется постепенно путем объединения разнообразных племенных группировок⁹⁹. В докладе 1942 г. ученый отмечает, что этот процесс идет приблизительно до VIII в., «когда складывается единая народность, русская» (выделено мной. — *Н. Ю.*) или «единый русский народ»¹⁰⁰. Эта народность создала свое государство — Киевскую Русь, хронологические рамки которой А. Д. Удальцов определяет VIII—XIII вв. В статье 1944 г. ученый несколько иначе называет эту народность, а именно — «общерусская многоплеменная народность»¹⁰¹. На этот раз А. Д. Удальцов относит завершение ее складывания к VII в., а возникновение Киевского государства — к X в. В статье «Начальный период

⁹⁷ Удальцов А. Теоретические основы. С. 254.

⁹⁸ Там же. С. 254-255.

⁹⁹ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 6.

¹⁰¹ Удальцов А. Теоретические основы. С. 258.

восточнославянского этногенеза» (1943) возникновение древнерусской этнообщности относится уже ко времени Киевского государства, когда «из отдельных восточнославянских племен» образовался «великий русский народ», который называет также «древнерусским народом»¹⁰² (выделено мной. — *Н. Ю.*). Посему это государство создавали не народность или народ, а восточнославянские племена. Здесь подчеркивается (учитывая «злобу дня»), что они ее создавали в борьбе с внешними завоевателями¹⁰³.

Важным для нашего исследования моментом, иллюстрирующим эволюцию взглядов А. Д. Удальцова, является тот, что он начиная приблизительно с 1943 г. стал употреблять термин «народ» относительно восточнославянской этнообщности древних времен. Однако заметим, что в статье «Теоретические основы этногенетических исследований» 1944 г. А. Д. Удальцов обходится при построении схемы этногенеза восточного славянства без применения этнокатегории «народ». В докладе на сессии Комиссии по вопросам этногенеза и этнографии 1942 г. он употребляет последнее понятие вскользь — не в строгом значении этнокатегории¹⁰⁴. В этом понимании термин «народ» употреблено ученым в упомянутой выше работе 1943 г.¹⁰⁵, а также в других работах военных и послевоенных лет¹⁰⁶.

В статье 1943 г. А. Д. Удальцов впервые вводит в научный оборот наряду с этнокатегорией «народ» и уточняющее прилагательное «древнерусский». Это словосочетание употребляет ученый и после войны. Только в 1950 г. историк признал тер-

¹⁰² Удальцов А. Начальный период восточнославянского этногенеза // Исторический журнал. 1943. № 11 — 12. С. 72.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 6.

¹⁰⁵ Удальцов А. Начальный период восточнославянского этногенеза. С. 72.

¹⁰⁶ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 50; Удальцов А. Д. 1) Основные вопросы происхождения славян // Общее собрание АН СССР 14-17 октября 1944 года. М.; Л., 1945. С. 107, 109; 2) Происхождение славян в свете новейших исследований. Стенограмма публичной лекции. М., 1950. С. 100 и др.

минологическое словосочетание, предложенное еще в 1945 г. В. В. Мавроди-ным, — «древнерусская народность»¹⁰⁷.

Доклад А. Д. Удальцова 27 августа 1942 г. на ташкентской сессии Комиссии по вопросам этногенеза и этнографии вызвал оживленное обсуждение среди участников этого научного форума. В целом доклад был оценен ими чрезвычайно положительно. Участники сессии активнее всего обсуждали вопрос терминологически-понятийного лексикона этногенетики, прежде всего этнокатегории «народ» и «народность». Академик В. Струве высказал мысль о том, что применительно к истории докапиталистических обществ правильнее употреблять категорию «народ». Академик-востоковед определил это понятие как большую группу людей, связанных только культурой и языком. В таком смысле понятие «народ» соответствовало бы в миниатюрном масштабе понятию «нация». Термин «народность» В. Струве предлагал употреблять лишь относительно эпохи разложения феодального общества¹⁰⁸, то есть даже до более позднего исторического времени, нежели это было принято в советской исторической науке. Напомним, что в ней было подхвачено (и стало полностью принятым) согласно с положениями И. В. Сталина применение этнокатегории «народность» только для эпохи ликвидации феодальной разобщенности и образования централизованных государств.

По поводу понятий «народ» и «народность» высказали свои соображения языковеды В. Д. Левин и Б. В. Горнунг¹⁰⁹. Первый из них подверг сомнению трактовку А. Д. Удальцовым понятия «народность» (а также и категории «племя») как неустойчивой общности, ведь «в рамках определенной формации народность и племя были полностью устойчивыми категориями», даже представляли собой определенные исторические константы¹¹⁰. По мнению В. Д. Левина, различия между нацией, племенем и народом следует признавать не по линии устойчивости либо неустойчивости, а иным методологическим путем. Этот языковед заметил, что из положений И. В. Сталина

¹⁰⁷ Удальцов А. Д. Происхождение славян в свете новейших исследований. С. 18.

¹⁰⁸ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 44-45.

¹⁰⁹ Там же. Л. 55-63.

¹¹⁰ Там же. Л. 55 об.

можно вывести более четкие и более полные определения указанных понятий и терминов. В. Д. Левин предложил отличать показанные этнокатегории при помощи добавления новых признаков единства, ведь «любая привнесенная в общество общность трансформирует, модифицирует народ»¹¹¹. Собственно подход В. Д. Левина не противоречил подходу А. Д. Удальцова, а дополнял его. По В. Д. Левину, если в рабовладельческом обществе существует только культурно-языковая общность, то уже в феодальном к ним добавляется еще и территориальная. Нация — это соединение отмеченных общностей, укрепленных и соединенных экономическим единством. Последнее имеет особенно важное значение. Оно, по мнению В. Д. Левина, даже «оттесняет на периферию общность происхождения»¹¹². Хотя языковед не указывает — когда и как этнокатегории использовать, но из контекста выступления очевидно, что он допускает употребление понятия «народность» не только для эпохи ликвидации феодальной разобщенности и образования централизованных государств.

В своем выступлении в рамках обсуждения доклада А. Д. Удальцова другой языковед Б. В. Горнунг констатировал, что четко установленными являются два понятия: «нация» и «племя». А вот промежуточное звено между ними остается неуясненным. По мнению Б. В. Горнунга, под термином «народность» следует понимать не только количественную категорию, но и качественную, отличную от «племени». Заметим, что подобным образом высказывались и другие выступающие¹¹³. Одновременно, сообразно с размышлениями Б. В. Горнунга, «народность» необходимо определять, как и «племя», в качестве этнографической, а не исторической категории. Народности, по его мнению, образуются из союзов племен. Когда эти объединения длительные и стойкие, тогда и происходят более тесные сращения определенных племен и их укрепление, и вот на этом основании и образуются народности¹¹⁴. Очевидно, что эти размышления Б. В. Горнунга также подвели теоретиче-

¹¹¹ Там же. Л. 57.

¹¹² Там же. Л. 57 об.

¹¹³ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 52.

¹¹⁴ Там же. Л. 61-61 об.

скую базу под концепцию древнерусской народности. Что же касается понятия «народ», то из контекста выступления Б. В. Горнунга можно сделать вывод: он относил это понятие к исторической категории, но не решался дать ему определение¹¹⁵.

Известный украинский медиевист Н. Н. Петровский приблизительно в то же время, что и А. Д. Удальцов, выдвинул концепцию «единого народа» Киевской Руси и феодальных княжеств. На страницах работы 1942 г. Н. Н. Петровский обосновал, в частности, существование в древнерусскую эпоху «единого народа» посредством выделения признаков его единства и общности. По мнению историка, Киевское государство и феодальные княжества XII—XIII вв. населял «единый народ», все восточнославянские племена «составляли один народ»¹¹⁶. Итак, по логике, разделение на племена сохранялось, иначе бы Н. Н. Петровскому не пришлось бы их упоминать. В этом аспекте его взгляд на «древнерусский» народ совпадает с взглядами Н. С. Державина, А. Н. Насонова, В. И. Пичеты, Б. Д. Грекова и других советских исследователей.

Этногенезом славян, в частности его восточной ветви, в военные годы продолжил заниматься академик Н. С. Державин. Прежде всего его наработки нашли отражение в монографии «Происхождение русского народа — великорусского, украинского, белорусского» (1944), которая в целом отображала суть его доклада на сессии ОИФ АН СССР 1940 г.¹¹⁷. Также продолжил свои исследования в сфере этногенеза восточного славянства, прежде всего белорусов, и В. И. Пичета¹¹⁸. Его наработки нашли отражение в выступлениях на многочисленных сессиях военных лет, в популярных лекциях, а также на страницах опубликованных работ. Так, в 1943 г. он выступил с докладом «Происхождение белорусского народа» на сессии Института этнографии АН СССР¹¹⁹, а в декабре 1943 г. этот же доклад был прочитан на сессии Комиссии по вопросам этноге-

¹¹⁵ Там же. Л. 62-63.

¹¹⁶ *Петровський М. Н.* Київська Русь — спільний початковий період історії російського, українського і білоруського народів // *Праці січневої сесії АН УРСР*. Уфа, 1942. Ч. 1: Доповіді відділу суспільних наук. С. 6.

¹¹⁷ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1—1940. Ед. хр. 11. Л. 48-106.

¹¹⁸ *Юсова Н.* В. Пичета та генезис концепції... С. 393-397.

¹¹⁹ Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 1-1 об.

неза и этнографии при ОИФ АН СССР, посвященной этногенезу славян¹²⁰. Из публикаций ученого необходимо отметить развернутую рецензию на указанную монографию Н. С. Державина (вышла в начале 1945 г.)¹²¹.

Как в названном докладе, так и в рецензии В. И. Пичета замечал, что в советской науке продолжает существовать путаница в сфере этногенетической терминологии, а потому важно разработать терминологический аппарат этногенетики¹²². Между тем в рецензии он указывает, что с этим заданием справился А. Д. Удальцов. Здесь В. И. Пичета оговаривал следующее: в феодальный период общественно-политической жизни восточных славян «создаются предпосылки для формирования новой категории — «народа» — на основе слияния нескольких племен». В. И. Пичета, сообразно с общетеоретической схемой А. Д. Удальцова, использует категорию «народ» для данного этапа этногенеза восточных славян, хотя сам археолог-этногенетик в статье «Теоретические основы этногенетических исследований» конкретно в отношении восточной ветви славян подобного не делает. Само же образование этого народа, по мнению В. И. Пичеты, совершилось с объединением «славянских княжеств под властью киевского князя», когда они сливаются в «единый народ». Эту мысль исследователь подкрепляет ссылкой на «Повесть временных лет». В. И. Пичета отмечает, что «ее составитель пытался дать историческое обоснование проблемы, откуда «Русская земля стала есть» — как определенного этнического и политического единства»¹²³.

Наиболее выразительно и развернуто сформулировал и изложил свои взгляды на проблему «древнерусской народности» ленинградский историк В. В. Мавродин. Это было им сделано, как уже отмечалось выше, на страницах монографии «Образование древнерусского государства» (1945)¹²⁴. В ней же

¹²⁰ Там же. Л. 1-20. См. также: Там же. Ф. 1548. Оп. 1. Ед. хр. 140.

¹²¹ Пичета В. [Рец. на кн.:] Державин Н. Происхождение русского народа. С. 121-125.

¹²² Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 2.

¹²³ Пичета В. [Рец. на кн.:] Державин Н. Происхождение русского народа. С. 123.

¹²⁴ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945. С. 392-402.

ученый впервые предложил новый термин для обозначения восточнославянской этнообщности времен Киевской Руси — «древнерусская народность»¹²⁵. В одном из писем к Н. С. Державину В. В. Мавродин упоминает о своей работе над новой монографией вот как: «Я сейчас занялся историей Киевской Руси, но совершенно не в том аспекте, который характерен для работ Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Я хочу попробовать изложить историю формирования русских той поры, как народности определенной стадии складывания. (выделено мной. — Н. Ю.)»¹²⁶.

В своей монографии В. В. Мавродин для обозначения этнического образования восточных славян времен Киевской Руси преимущественно употребляет традиционное для российской историографии терминологическое словосочетание «русский народ». Как и в работах других советских историков, здесь это понятие не носит строго научного характера определенной этнической категории со всецело установленным содержанием. А вот термин «народность», который он в девятой главе использует с прилагательным «древнерусская» (иногда просто — «русская»),

В. В. Мавродин употребляет именно как этническую категорию, хотя конкретного определения ей не дает¹²⁷. Историк только повторяет вслед за А. Е. Пресняковым, что новая концентрация восточных славян вследствие образования государства заложила «основы для новой исторической народности»¹²⁸.

На какой стадии этногенеза возникает народность, В. В. Мавродиным не указывается, хотя из контекста можно понять: эта этническая категория следует за племенами и племенными объединениями. Не давая четкого определения древнерусской народности, ученый раскрывает свое понимание ее сути посредством выделения факторов, способствующих ее образова-

¹²⁵ Там же. С. 395-402.

¹²⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 827. Оп. 4. Ед. хр. 331. Л. 4-4 об. Ср.: Бурдей Г. Д., Наумов С. Ю. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Саратов, 1995. Вып. 3. Историческая книга: системный анализ. С. 16.

¹²⁷ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. С. 392.

¹²⁸ Там же. С. 259.

нию, и общих черт, подчеркивающих ее относительную этнокультурную общность и единство. Народность, в конкретном случае — древнерусская народность, по В. В. Мавродину — динамическая этническая категория, которая пребывает в процессе формирования¹²⁹. Здесь влияние националистического учения И. В. Сталина прослеживается опосредованно. Ведь В. В. Мавродин, подобно известным положениям вождя (согласно которым нация различается через совокупность признаков единства и общности), определяет народность преимущественно тем же образом, каким в статье И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», определяется нация¹³⁰. А вот по проблемам славянского этногенеза в методико-методологическом аспекте В. В. Мавродин, как и другие советские ученые, скажем Н. С. Державин, А. Д. Удальцов, опирается на глоттогеническую теорию Н. Я. Марра.

Целесообразность введения в научный оборот нового терминологического словосочетания — «древнерусская народность» — для обозначения этнического образования восточной ветви славян периода Киевской Руси ученый опосредованно обосновывает в дальнейшем изложении. А в том месте, где ученый к нему прибегает в первый раз, он вскользь замечает, что оно «точнее», нежели «русская народность»¹³¹. Понятие «древнерусская народность» В. В. Мавродин понимает в значении «предка» (он употребляет именно это слово — кстати, впервые среди советских историков!)¹³² будущих трех народностей восточных славян.

Итак, в монографии «Образование древнерусского государства», увидевшей свет в 1945 г., впервые было обнародовано сконструированное В. В. Мавродиным наименование средневековой восточнославянской этнообщности — «древнерусская народность». Между тем обоснования этому понятию как определенной этнокатегории историк не дал. В более популярной форме В. В. Мавродин изложил концепцию древнерус-

¹²⁹ Там же. С. 395.

¹³⁰ *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. С. 9-16.

¹³¹ *Мавродин В. В.* Образование древнерусского государства. С. 395.

¹³² Там же. С. 400.

ской народности в книге «Древняя Русь», которая вышла в 1946 г.¹³³

В. В. Мавродин в послевоенное время хотя и не отказался от своей концепции (главные ее тезисы историк повторяет в публикациях второй половины 1940-х годов¹³⁴), но этнокатегории «народность» предпочитал термин «народ» и избегал терминологического словосочетания «древнерусская народность», которое последовательно в новых работах заменялось им на иное — «русский народ»¹³⁵. Одной из главных причин этого было то, что академик Б. Д. Греков в своих работах последовательно применял словосочетание «русский народ»¹³⁶, тем самым подавая пример всем остальным гуманитариям. Однако по крайней мере один раз академик употребил, как и в статье «Западная Украина» (1939), наименование «русь» применительно к народу Киевской Руси¹³⁷.

Очевидно, творческое развитие этногенетических постулатов советского вождя, обнародованное в статье «Теоретические основы этногенетических исследований» А. Д. Удальцовым, также не получило официальной поддержки. Как указывалось, сам А. Д. Удальцов в других своих публикациях военных лет отдает предпочтение термину «народ». Этот термин ученый

¹³³ Мавродин В. В. Древняя Русь: Происхождение русского народа и образование Киевского государства. М., 1946. С. 304-310.

¹³⁴ Мавродин В. В. 1) Формирование русской нации. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 7 июля 1947 г. в Ленинграде. Л., 1947. С. 11-12; 2) К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации // Советская этнография. 1947. № 4. С. 88; 3) Основные моменты развития Русского государства до XVIII века // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 3. С. 87-91; 4) Предпосылки возвышения Москвы // Там же. 1947. № 10. С. 57-58; 5) Начальный этап в истории русского народа и государства // Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1948. С. 97-104; 6) Сталин о феодальной России // Вестник Ленинградского университета. 1949. № 12. С. 62-63; 7) [Рец. на кн.:] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949 // Там же. 1950. №. 7. С. 97-98.

¹³⁵ Юсова Н. М. Генеза концепту «давньоруська народність» у радянській історичній науці // Український історичний журнал. 2001. № 6. С. 72-74.

¹³⁶ См., напр.: Греков Б. 1) Славяне. Возникновение и развитие Киевского государства. (В помощь преподавателю дивизионной школы партактива истории СССР). М., 1946; 2) Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.; Л., 1946; 3) Киевская Русь. М., 1949 и др.

¹³⁷ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. С. 21.

употребляет и в послевоенные годы. Так, в частности, в статье «Происхождение славян», вышедшей в 1947 г., этногенетик использует применительно к восточнославянской общности терминологическое выражение «древнерусский народ»¹³⁸.

Исследования этногенеза украинского народа, возобновленные в АН УССР в послевоенное время, могли развиваться только с учетом ведущих тенденций, господствовавших в Москве. Главный разработчик темы «Происхождение украинского народа» в Институте истории Украины (далее — ИИУ) К. Г. Гуслистый¹³⁹ во время докладов на научных форумах (опубликованных работ по теме на 1940-е годы у него не было) во всех важных дискуссионных вопросах занимает позиции, аналогичные взглядам наиболее авторитетных советских специалистов (согласно его высказыванию: «покамест не посоветуешься с московскими (выделено мной. — *Н. Ю.*) историками, не знаешь, где статья»¹⁴⁰). Вообще же, как видно из неопубликованных этногенетических разработок К. Г. Гуслистого 1946—1947 гг., представляющих собой преимущественно реферирование основных взглядов специалистов по проблемам восточнославянского и украинского этногенеза¹⁴¹, также и в сфере терминологически-понятийной таксономии ученый присоединяется ко взглядам авторитетов, не решаясь предложить что-либо свое.

В неопубликованных работах 1946—1947 гг. К. Г. Гуслистый присоединяется к концепции древнерусской народности. Детально рассматривая «вопросы о едином русском народе в Киевской Руси» (так научный сотрудник назвал отдельный подраздел в докладе 1947 г.)¹⁴², К. Г. Гуслистый придерживается взглядов А. Е. Преснякова, Б. Д. Грекова и В. В. Мавродина,

¹³⁸ *Удальцов А. Д.* Происхождение славян // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 72, 100.

¹³⁹ *Юсова Н.* Участь Костя Гуслистого в розробці концепції «давньоруської народності» // Український історичний збірник — 2003. Київ, 2004. Вип. 6. С. 403-411.

¹⁴⁰ У лекціях тоталітаризму: Перше двадцятиріччя Інституту історії України НАН України (1936—1956 рр.). Збірник документів і матеріалів: У 2 ч. / Відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 1996. Ч. II. С. 57.

¹⁴¹ Отдел рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 112. 74 л.; Ед. хр. 26. 87 л.

¹⁴² Там же. Ед. хр. 26. Л. 10-20.

в частности, украинский историк согласен с ними в том, что именно объединение восточнославянских племен в единое государство — Киевскую Русь — способствовало их слиянию в один народ. К. Г. Гуслистый определяет этот народ как «единый русский или древнерусский многоплеменной народ»¹⁴³. Последний термин (без слова «многоплеменной») ученый использовал еще в сентябре 1946 г. в статье, опубликованной на страницах газеты «Советская Украина». В ней, в контексте освещения происхождения трех восточнославянских народностей, была дана одна из первых попыток популяризации учения о древнерусской народности¹⁴⁴. Терминологическое выражение «древнерусский народ» К. Г. Гуслистый всегда использовал в своих выступлениях на различных мероприятиях и в публикациях второй половины 1940-х — начала 1950-х годов¹⁴⁵. Изложение концепции древнерусской народности в опубликованных лекциях (1949 г. и 1950 г.) К. Г. Гуслистый подает по уже упомянутой выше статье В. В. Мавродина «О складывании великорусской народности и российской нации» (1947). В названной статье В. В. Мавродин прибегает к словосочетанию — «русский народ», а К. Г. Гуслистый же пользуется одновременно и «старым» термином В. В. Мавродина — «древнерусская народность», правда, со специфической орфографической транскрипцией, и «своим» (этот термин впервые применен А. Д. Удальцовым¹⁴⁶) — «древне(-ьо) русский народ» (наблюдаем инварианты орфографического оформления слова «древнерусский») ¹⁴⁷.

¹⁴³ Там же. Л. 15.

¹⁴⁴ *Гуслистый К.* Походження східнослов'янських народів і Київська Русь // Радянська Україна. 1946. 4 вересня.

¹⁴⁵ Научный архив Института истории Украины НАН Украины. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 173. Л. 27; Ед. хр. 380. Л. 5; *Гуслистый К. Г.* 1) Київська Русь. Лекція для студентів-заочників історичних факультетів педагогічних і учительських інститутів. Київ, 1949; 2) Київська Русь — колыска трьох братніх народів — російського, українського і білоруського: Стенограма лекції. Київ, 1950 и др.

¹⁴⁶ *Удальцов А.* Начальный период восточнославянского этногенеза. С. 72; *Юсова Н.* Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). С. 304-314.

¹⁴⁷ *Гуслистый К. Г.* Київська Русь — колыска трьох братніх народів... С. 38.

Кроме К. Г. Гуслистого концепцию древнерусской народности разделяли в этот период и другие украинские историки, в частности коллега К. Г. Гуслистого по отделу истории феодализма И. Д. Бойко. В одной из неопубликованных статей 1947 г. он писал, что еще до возникновения Киевского государства Восточную Европу населяли славянские племена, имевшие между собой экономические и политические связи, творившие единую культуру. Эти племена в период Киевского государства «выступали как единый русский народ»¹⁴⁸, то есть в отличие от К. Г. Гуслистого И. Д. Бойко придерживался более распространенной на тот момент терминологии. Однако он не разделял (собственно — как и К. Г. Гуслистый) парадигмы «триединости», что становится понятным из следующего тезиса И. Д. Бойко: «Киевская Русь — это колыбель государственности и культуры трех братских народов, предки которых жили на территории Восточной Европы с древнейших времен».

Ярким примером взглядов украинских археологов второй половины 1940-х годов по этому вопросу может служить позиция, занимаемая Д. И. Блифельдом¹⁴⁹. Разделяя общую направленность концепции древнерусской народности, археолог употребляет термин «русский народ»¹⁵⁰. Д. И. Блифельд, признавая Киевскую Русь общим этапом истории восточных славян, их колыбелью, привносит уточняющие нюансы: «на базе этнического единства и общности социально-экономической жизни выработались единство и высокий уровень культуры»¹⁵¹. Именно эта культура стала основой «родственных национальных культур восточнославянских народов», и в Киевской Руси «гнездятся корни» их братства¹⁵². Опровергается (уже собственно оспоренный на союзном уровне) и тезис об отсталости этого государственного образования по сравнению с другими европейскими странами.

¹⁴⁸ Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 1. Оп. 70. Ед. хр. 707. Л. 7.

¹⁴⁹ Научный архив НАН Украины. Ф. 12. Оп. 2. Д. 268. 25 л.

¹⁵⁰ Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф. 12. Оп. 2. Д. 268. Л. 17.

¹⁵¹ Там же. Л. 13.

¹⁵² Там же. Л. 13.

В 1947 г. были опубликованы (а одна даже переиздана) работы А.Д. Удальцова, подготовленные в первой половине 1940-х гг. в УгГ, а также статья филолога Л. Якубинского. В них термин «народность» употреблялся в связи с описанием этнических процессов, имевших место в эпохи рабовладельческого и феодального обществ¹⁵³. Однако новая политическая актуализация исследований в области этногенеза восточных славян наступила в 1949 г. (год 70-летия И. В. Сталина), когда впервые в XI томе собрания его сочинений была опубликована написанная еще в 1929 г. статья «Национальный вопрос и ленинизм»¹⁵⁴. Как это уже вошло в традицию, по всему Советскому Союзу проходили различные мероприятия с целью обсуждения и популяризации сталинской работы. Прежде всего, она должна была быть усвоена и взята на «вооружение» представителями гуманитарной науки, в частности историками¹⁵⁵. В связи с актуализацией рассматриваемой нами проблематики в октябре 1949 г. состоялось общее заседание научных сотрудников Института археологии и ИИУ АН УССР, посвященное рассмотрению исследования под названием «Этногенезис Восточно-Славянских народов и происхождение Киевского государства», подготовленного преподавателем Полтавского пединститута К. Кушничук, которое почти год «лежало» в ИИУ¹⁵⁶. Автор разыскания разделял концепцию древнерусской народности и, что показательно, использовал для определения восточнославянской общности параллельно четыре наименования — «русь», «русский народ», «старорусский народ» и даже «стародревнерусский народ»¹⁵⁷. Научные сотрудники обоих академических учреждений при обсуждении никак не прокомментировали эти наименования; иначе говоря, они не вызвали

¹⁵³ *Удальцов А. Д.* 1) Основные вопросы этногенеза славян. С. 3-13; 2) Теоретические основы этногенетических исследований // Советская этнография. 1947. VI—VII. С. 301-303; *Якубинский Л. П.* Образование народностей и их языков // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 1. С. 139-153.

¹⁵⁴ *Сталин И. В.* Национальный вопрос и ленинизм // *Сталин И. В.* Сочинения. В 16 т. М., 1949. Т. 11. С. 333-355.

¹⁵⁵ Научный архив Института истории Украины НАН Украины. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 4; Ед. хр. 214—215. Л. 1, 8.

¹⁵⁶ Там же. Ед. хр. 173. 35 л.

¹⁵⁷ Там же. Л. 28, 31.

и какого-то особенного сопротивления. Присутствующий на заседании К. Г. Гуслистый в следующем году предложил словесную модификацию одного из приведенных только что терминов — «старорусский народ». И произошло это во время обсуждения разделов I тома «Истории УССР» на заседании отдела истории феодализма ИИУ. Однако К. Г. Гуслистый предложил заменить упомянутое терминологическое словосочетание на более традиционное — «единый русский народ»¹⁵⁸.

Теоретические вопросы этногенеза («в свете работ Сталина»), среди прочего — и вопросы этнокатегориального аппарата, были подняты в 1949 г. рядом научных сотрудников, в частности С. А. Токаревым¹⁵⁹, П. И. Кушнером, М. Каммари и другими. Этнографы П. И. Кушнер и М. Каммари употребляли термины «народ» и «народность» синонимически. Согласно мысли первого, народности образуются, начиная с феодальной эпохи¹⁶⁰. Оба термина М. Каммари определяет как этнографические категории, которые предшествуют нации¹⁶¹. В отличие от П. И. Кушнера М. Каммари считал, что народности могут быть образованы «путем объединения и слияния отдельных племен на базе разложения первобытного строя и образования классового, рабовладельческого и феодального обществ»¹⁶². Очерченные вопросы рассмотрел и В. В. Мавродин, статья которого вышла уже в 1950 г. Ленинградский историк считал, что слово «народ» (как этническая и историческая категория) имеет более широкое значение, нежели термины «народность» и «нация». Термин «народ», согласно В. В. Мавродину, следует употреблять применительно к любым этапам складывания исторических общностей людей¹⁶³. Ученый соглашается с М. Каммари относительно механизма и времени

¹⁵⁸ Там же. Ед. хр. 266. Л. 2.

¹⁵⁹ *Токарев С. А.* К постановке проблем этногенеза // Советская этнография. 1949. № 3. С. 12-36.

¹⁶⁰ *Кушнер П. И.* Учение Сталина о нации и национальной культуре // Советская этнография. 1949. № 4. С. 5

¹⁶¹ *Каммари М.* Создание и развитие И. В. Сталиным марксистской теории нации // Вопросы истории. 1949. № 12. С. 68-69.

¹⁶² Там же. С. 69.

¹⁶³ *Мавродин В. В.* Основные этапы этнического развития русского народа // Вопросы истории. 1950. № 4. С. 62.

образования народностей, хотя отмечает, что М. Каммари не дал четкого определения этой этнокатегории.

Этнокатеорию «народность» применительно к единой общности восточных славян в древнерусскую эпоху в том же году — 1949 г. — использовал в рамках своего лекционного курса по истории СССР К. В. Базилевич¹⁶⁴. Им применительно к этой народности используется наименование «русь», в частности, историк указывает, что экономическое и культурное сближение между восточнославянскими племенами «объединило их в общей народности — руси»¹⁶⁵. Эта «единая народность руси», по его мнению, еще только начинала складываться, однако феодальная разобщенность и татаро-монгольское нашествие привели к тому, что она распалась на три отдельные народности — великорусскую (российскую), украинскую и белорусскую. Лекционный курс К. В. Базилевича был переиздан и в следующем году. В новом издании повторялись те же тезисы о «народности руси»¹⁶⁶. Указанное наименование стало еще одной альтернативой понятию «древнерусская народность». По нашему мнению, наименование народности «русь», которое еще в 1939 г. употребил Б. Д. Греков (между прочим, в соединении с термином «народ»), наиболее отвечало историческим реалиям древнерусской эпохи, а потому в научном аспекте было корректнее, нежели «древнерусская народность».

Инспирированная «сверху»¹⁶⁷ в мае 1950 г. дискуссия по поводу глоттогонической теории Н. Я. Марра открыла очередную идеологическую кампанию, которая охватила гуманитарные науки. Направление кампании задавалось опубликованными летом того года в газете «Правда» сталинскими

¹⁶⁴ Базилевич К. В. История СССР от древнейших времен до конца XVII в. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1949.

¹⁶⁵ Там же. С. 102.

¹⁶⁶ Базилевич К. В. История СССР от древнейших времен до конца XVII в. Курс лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1950. С. 99.

¹⁶⁷ Мосенкіс Ю. З історії сприйняття наукової творчості академіка Ніколая Марра в Україні // Відкритий архів. Щорічник матеріалів та досліджень з історії модерної української культури / Український науковий інститут Гарвардського університету. Інститут критики. Київ, 2004. С. 389-394.

заметками и ответами на письма читателей по поводу понимания названной теории. В том же году сталинские заметки были объединены в книги «Марксизм и вопросы языкознания». Противоречащие теории Н. Я. Марра сталинские постулаты стали причиной специфической взрывной «революции» в этногенетике и активизировали исследования этногенетических вопросов академическими институтами гуманитарного профиля. В СССР развернулись интенсивные дискуссии, к которым привлекались многие научные коллективы¹⁶⁸.

В отчете ИИУ за 1950 г. указано, что выход в свет книги «Марксизм и вопросы языкознания» дал возможность авторскому коллективу I тома краткого курса «Истории УССР» осветить ряд вопросов, которые до этого времени еще оставались невыясненными, в частности, вопрос «о происхождении украинской народности и формировании ее в нацию, вопрос об исторической общности славянских народов и, особенно, восточнославянских»¹⁶⁹. В отчете же ИИУ за 1952 г. указывалось, что в разделах I тома краткого курса «Истории УССР», которые готовил К. Г. Гуслистый, — «на фундаменте гениальных сочинений тов. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» разработаны вопросы об образовании древнерусской народности (выделено мной. — Н. Ю.) и формирования украинской народности»¹⁷⁰. Действительно, указанная книга «вождя» придала легитимность как в целом концепции древнерусской народности, так и непосредственно самому термину.

Еще до начала дискуссии по поводу «марксизма в языкознании» вышла статья

В. В. Мавродина «Основные этапы этнического развития российского народа»¹⁷¹, где, в частности, в очередной раз были

¹⁶⁸ Юсова Н. М. Генеза концепту «давньоруська народність» у радянській історичній науці. С. 77-78; Мосенкіс Ю. З історії сприйняття наукової творчості академіка Ніколая Марра в Україні. С. 404.

¹⁶⁹ Научный архив Института истории Украины НАН Украины. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 216. Л. 124.

¹⁷⁰ Там же. Ед. хр. 346. Л. 6.

¹⁷¹ Журнал, где публиковалась статья, был подписан в печать в мае 1950 г., когда дискуссия на полосах газеты «Правда» только начиналась. См.: Аллатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 161; Мосенкіс Ю. З історії сприйняття наукової творчості академіка Ніколая Марра в Україні. С. 389.

изложены основные черты концепции древнерусской народности и заново предложено терминологическое выражение «древнерусская народность»¹⁷². Этот термин был тогда же поддержан А. Д. Удальцовым¹⁷³. А между тем дело с его научной легитимацией оказалось не таким уж и простым, хотя вторая часть словосочетания («народность») в связи с сочинениями И. В. Сталина по языкознанию наконец-то получила официальную поддержку.

В первой статье цикла — «Относительно марксизма в языкознании», вышедшей 20 июня 1950 г. в газете «Правда», где речь шла прежде всего о необходимости причисления языка к надстроечным явлениям относительно экономического базиса, а также об общенародном (а не классовом, как у Н. Я. Марра) характере языка, — И. В. Сталин, упоминая рабовладельческие и феодальные империи, признает существование в них народностей, имеющих свои общенародные языки¹⁷⁴. Причем здесь Сталин подчеркивает следующее: такие языки были присущи не всему населению определенной империи, ведь последние «не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»¹⁷⁵. Он имеет в виду те отдельные народности определенной империи, которые «имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»¹⁷⁶.

В ответе на вопросы языковеда «товарища Санжеева» (филолог-монголовед Г. Д. Санжеев. — Н. Ю.) сталинская мысль о неустойчивости языка (а следовательно, самой этнической общности) определенной народности, которая еще не стала нацией — *«Бывают... процессы, когда единый язык народности, которая не стала еще нацией из-за отсутствия необходимых экономических условий развития, испытывает крах вследствие государственного распада этой народности, а*

¹⁷² Мавродин В. В. 1) Основные этапы этнического развития русского народа. С. 55-70; 2) [Рец. на кн.:] Б. Д. Греков. Киевская Русь. С. 91.

¹⁷³ Удальцов А. Д. Происхождение славян в свете новейших исследований. С. 18.

¹⁷⁴ Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 10, 22.

¹⁷⁵ Там же. С. 10.

¹⁷⁶ Там же.

местные диалекты, которые не успели перемолотиться в едином языке, — оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков»¹⁷⁷ — допускала существование этнообщностей в докапиталистические периоды развития, которые были менее стойкими, нежели нации, а потому, при определенных обстоятельствах, могли распасться. Тем более это касалось тех этнических общностей, которые еще не успели достаточно сформироваться.

Исключительно интересные заключения можно сделать исходя из наблюдений И. Б. Елизарова над различными редакциями и черновыми вариантами статьи вождя «Относительно марксизма в языкознании», которые хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории. Так, выясняется, что по каким-то причинам И. В. Сталин отказался включить в последний вариант названной статьи собственную схему периодизации развития русского языка. Между тем в контексте этой периодизации, он коснулся вопроса об образовании «русской (=древнерусской. — Ю. Н.) народности». И. Сталин, начиная свою схему, высказал следующий тезис относительно развития «русского языка»: *«а) от родоплеменного языка, сложившегося еще задолго до эпохи рабства, когда русский язык мало отличался от других славянских языков — к языку „ Слово...” (конец 12 века). Это уже не родоплеменной язык, а язык разных племен, ставших русской народностью (выделено мной. — Н. Ю.), отделившихся от других славянских языков и ставших самостоятельными»¹⁷⁷.*

Итак, согласно с тогдашним сталинским осмыслением некоторых вопросов этногенеза «русского народа» на момент появления «Слова о полку Игореве», то есть на период феодальной разобщенности Киевской Руси, существовала древнерусская (русская) народность (из контекста понятно, что речь идет не о великорусской народности). Очевидно, что если бы эти сталинские размышления оказались опубликованными, они сделали бы излишней будущую полемику советских ученых относительно того, распалась ли древнерусская народность с

¹⁷⁷ Елизаров Б. С. Почетный академик И. В. Сталин против академика Н. Я. Марра: К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 187.

государственным (централизованным) разложением Киевской Руси в XII в. и, в любом случае, однозначно легитимизировали бы понятие «народность» в аспекте определения этнической общности восточных славян древнерусской эпохи.

Хотя процитированный выше сталинский тезис не был опубликован, однако важным является то, что архивные источники свидетельствуют о восприятии И. Сталиным на момент подготовки названной статьи к печати (начало 1950 г.) понятия «русская народность» в обозначенном контексте. Это, вероятно, единственный случай, который можно привести в качестве убедительного примера негласного положительного отношения И. Сталина к одной из центральных идей концепции древнерусской народности. Однако разработчики концепции об этом, скорее всего, ничего не знали и исходили в своих теоретических построениях все-таки из опубликованных работ вождя. Между тем не следует исключать и того, что научным работникам в связи с вероятной циркуляцией среди партийного и академического руководства информации по поводу положительного отношения «корифея советской науки» к названной концепции хотя бы не препятствовали.

Концепция древнерусской народности, но без употребления самого термина, по всей вероятности, впервые стала фигурировать в более широком научном употреблении в связи с заключительным моментом известной дискуссии по проблемам периодизации истории СССР. Обсуждение периодизации, которое до этого времени протекало на страницах журнала «Вопросы истории», в финальной своей части прошло в стенах Института истории АН СССР. Это событие пришлось на декабрь 1950 г. Во время обсуждения отдельные элементы концепции В. В. Мавродина нашли, так сказать, свое место в докладе И. И. Смирнова¹⁷⁸, а также в совместном научном выступлении Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто. Доклад последних стал основой статьи, опубликованной в начале 1951 г. в том же журнале¹⁷⁹. Между тем Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто продол-

¹⁷⁸ Смирнов И. И. Общие вопросы периодизации истории СССР // Вопросы истории. 1950. № 12. С. 95.

¹⁷⁹ Пашуто В., Черепнин Л. О периодизации истории России эпохи феодализма // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 52-80.

жали употреблять относительно восточнославянской этнообщности древнерусской эпохи терминологическое выражение «русский народ»¹⁸⁰.

Февральский выпуск официального журнала советской исторической науки, где была напечатана указанная статья, вышел, вероятно всего, несколько позднее, чем состоялась конференция — дискуссия по поводу доклада В. В. Мавродина «Основные этапы этнического развития русского народа» (в основу которого положена одноименная работа ленинградского историка¹⁸¹). На конференции наконец-то было уделено должное внимание концепции древнерусской народности: она вызвала оживленное обсуждение среди присутствующих историков и языковедов. Хотя предложенное В. В. Мавродиным терминологическое выражение «древнерусская народность» не вызвало среди участников возражений (однако и энтузиазма по этому поводу не наблюдалось), они подвергли критике составные аспекты концепции, в частности — степень консолидации народности и ее устойчивость.

Другим главным аспектом легитимации концепции (а также понятия и термина) древнерусской народности стало ее содержательное созвучие парадигме «воссоединения» Украины с Россией, которая в связи с приближающимся 300-летием Переяславской рады вытеснила из научного функционирования парадигму «присоединения» и формулу «наименьшего зла»¹⁸². Созвучность здесь аккумулируется следующим образом: если в древнерусскую эпоху существовал единый предок современных восточнославянских народов — древнерусская народность (пусть и на стадии формирования), то присоединение в 1654 г. Украины (частично и белорусских земель) к России — закономерное и справедливое историческое событие, ведь когда-то

¹⁸⁰ Там же. С. 58.

¹⁸¹ В институте истории АН СССР // Вопросы истории. 1951. № 5. С. 137-139. См. также: Юсова Н. М. Генеза концепту «давньоруська народність» у радянській історичній науці. С. 74-77.

¹⁸² Юсова Н. Від розробки концепції «давньоруської народності» до легітимізації терміна «возз'єднання» України з Росією: друга пол. 40-х — поч. 50-х рр. XX ст. // Історіографічні дослідження в Україні. Київ, 2004. Вип. 14. С. 426-430.

единый народ вновь объединился¹⁸³. Понятно, что с политической точки зрения неудобно было называть общего предка «русским народом», как-никак складывалось впечатление, что речь идет не столько об общем предке, сколько о предке российского («русского», «великорусского») народа. Наряду с терминологическими выражениями «древнерусская народность» или «древнерусский народ» в начале 1950-х годов (собственно — в 1951 г.) советские гуманитарии подыскивали и иные термины.

Сначала в научной среде как будто усваивается термин «древнерусская народность». Так, 29 июня 1951 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР, которое было посвящено годовщине выхода первой публикации И. В. Сталина в области языкознания, с докладом выступил А. Н. Насонов. Сообщение имело название «К вопросу образования древнерусской народности в свете сочинений И. В. Сталина по языкознанию»¹⁸⁴. Но уже в декабре этого же года ученый-летописец на методологическом совещании по этногенетическим вопросам выступил с докладом «О некоторых вопросах образования киево-русской народности»¹⁸⁵. Другой докладчик — уже авторитетный археолог Б. А. Рыбаков — тоже воспользовался подобным названием, однако (и что особенно важно!) в другой части самого понятия употреблено термин «народ», а не «народность» («киеворусский народ») ¹⁸⁶. Приведенный пример воочию иллюстрирует и подкрепляет мысль о том, что не только термин «древнерусская», но и термин «народность» все еще продолжают вызывать сомнения у исследователей.

Однако в изданной в конце того же года брошюре с тезисами докладов, указанный доклад Б. А. Рыбакова получил иное

¹⁸³ Именно согласно такой логике развивается мысль у коллеги К. Г. Гуслистого по отделу истории феодализма, И. Д. Бойко, автора VI раздела I тома коллективной работы «История УССР», в котором обосновывается «воссоединение» Украины с Россией. *Історія Української РСР*. В 2 т. Київ, 1953. Т. 1. С. 258-259.

¹⁸⁴ Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 1. «А». Оп. 2. Ед. хр. 592. Л. 1.

¹⁸⁵ В феврале 1951 г. будущий доклад получил название «К вопросу об образовании русской народности». — Архив РАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 363. Л. 9.

¹⁸⁶ Там же. Ф. 1909. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 28.

название — «К вопросу об образовании древнерусской народности»¹⁸⁷ (тезисы научного выступления А. Н. Насонова не были опубликованы). По всей вероятности, наименование восточнославянской народности древнерусской эпохи — «киеворусской» — казалось несколько «националистическим». К тому же оно не заключало в себе четкого и до определенной степени конкретизирующего хронологического и территориального маркера.

А вот в плане отдела истории феодализма ИИУ на 1952 г. говорилось о проведении дискуссии по теме «К вопросу о едином древнерусском народе»¹⁸⁸. Собственно научные дебаты по этому поводу в среде украинских ученых (преимущественно историков) состоялись еще в апреле и июне 1951 г. Во время диспутов некоторые научные сотрудники (Д. И. Бойко, М. И. Марченко, Ф. П. Шевченко, языковед И. Ф. Жилко) подвергли сомнению как само понятие «древнерусский народ» (или «древнерусская народность»), так и концепцию в целом, причем иногда опираясь на те же работы И. В. Сталина по языкознанию¹⁸⁹. К. Г. Гуслистый в своем докладе на апрельской дискуссии вел речь о сформировавшейся древнерусской народности в период Киевской Руси¹⁹⁰ (у историка фигурирует понятие «древнерусская народность»¹⁹¹). На этом же научном форуме историк-казаковед В. А. Голобуцкий, используя терминологическое выражение «древнерусская народность», вместе с тем высказал сомнение относительно ее монолитности¹⁹². Археолог В. Й. Довженок, который выступал вслед за В. А. Голобуцким, наоборот — категорически утверждал, что во времена Киев-

¹⁸⁷ Рыбаков Б. А. К вопросу об образовании древнерусской народности // Тезисы докладов и выступлений сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951. С. 15-22.

¹⁸⁸ Научный архив Института истории Украины НАН Украины. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 380. Л. 5.

¹⁸⁹ Там же. Ед. хр. 294. Л. 8, 21, 39-41; Гудзенко П. П. До річниць опублікування геніальної праці Й. В. Сталіна // Вісник Академії Наук УРСР. 1951. № 7. С. 61-68.

¹⁹⁰ Научный архив Института истории Украины НАН Украины. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 34.

¹⁹¹ Там же. Л. 45, 153.

¹⁹² Там же. Л. 22-26.

ской Руси «народность была уже монолитной, такой, которая уже сформировалась»¹⁹³. Она, согласно мысли В. Й. Довженка, начала создаваться еще в середине I тысячелетия н. э. — в античные времена, поскольку народность — это «явление классового общества, рабовладельческого или феодального — явление разложения первобытно-общинного строя»¹⁹⁴. Археолог, употребляя термин «народность», в целом не присовокуплял к нему хронологического уточнения — «древнерусская». Наряду с этим он пользовался терминологическим выражением «древнерусский народ»¹⁹⁵, что свидетельствует о еще неустоявшемся употреблении и, так сказать, неприжитости термина «древнерусская народность». Некоторые другие участники дискуссии использовали терминологическое выражение «старорусская народность»¹⁹⁶.

В том же 1951 г. выходит монография упомянутого выше авторитетного этнографа П. И. Кушнера, где аргументируется положение о том, что после племени следует «новая форма этнической общности — народность»¹⁹⁷. В конце концов в 1952 г. термин «народность» окончательно входит в употребление применительно к определению этнической общности, формирующейся на основе первичных союзов племен. Этому внедрению больше всех других гуманитариев поспособствовали лингвисты-теоретики Б. В. Горнунга, В. Д. Левина и В. М. Сидорова категорически утверждалась концептуальная доминанта: «союз родственных племен, проявившись вследствие тех или иных исторических условий крепким и долговечным, неминуемо уже через одно-два столетия превращается в народность»¹⁹⁸.

В 1952 г. наименование «древнерусская народность» также закрепляется в научном обращении. Оно подается без альтернатив в работах таких авторитетных исследователей и одно-

¹⁹³ Там же. Л. 37.

¹⁹⁴ Там же. Л. 34-37.

¹⁹⁵ Там же. Л. 38-39.

¹⁹⁶ Там же. Л. 67.

¹⁹⁷ *Кушнер П. (Кнышев). Этнические территории и этнические границы.* М., 1951. С. 44.

¹⁹⁸ *Горнунг Б. В., Левин В. Д., Сидоров В. Н. Проблемы образования и развития языковых семей // Вопросы языкознания. 1952. № 1. С. 50.*

временно представителей официальной историографии, как Б. А. Рыбаков и Л. В. Черепнин¹⁹⁹. Как общеупотребительное, наименование фигурирует в годовом отчете ИИУ за 1952 г.²⁰⁰ В этом же году для очередного варианта I тома «Истории УССР» К. Г. Гуслистый предлагает даже выделить отдельный параграф под названием «Образование древнерусской народности»²⁰¹.

В то же время Л. В. Черепнин готовит окончательный вариант своих разделов в I части коллективной работы «Очерки истории СССР»²⁰², вышедшей в 1953 г. В отличие от украинского издания Л. В. Черепнин концентрированно изложил концепцию древнерусской народности в одном параграфе. А сама структурная единица книги получила подобное словесное выражение к названию, предложенное еще К. Г. Гуслистым, — «Образование древнерусской народности». В параграфе российский ученый, опираясь на положения из книги И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», утверждает, что указанная народность сложилась в эпоху разложения первобытного строя и возникновения классового общества. Л. В. Черепнин обращает внимание на такие признаки единства народности, как территория, язык, психический склад, указывая при этом, что эти формы единства могли иметь место лишь на основе определенной экономической общности²⁰³. Историк придает огромное значение языковому единству древнерусской народности и особенно акцентирует внимание на чувстве единства всех русских людей, национального сознания, патриотизма, которыми проникнут фольклор, литературные произведения, летописи древней Руси²⁰⁴. Автор делает вывод о том,

¹⁹⁹ Рыбаков Б. А. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина // Вопросы истории. 1952. № 9. С. 40-62; Черепнин Л. В. К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма // Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии. 1952. Т. IX. № 2. С. 115-132.

²⁰⁰ Научный архив Института истории Украины НАН Украины. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 346. Л. 6.

²⁰¹ Там же. Ед. хр. 382. 14 л.

²⁰² Очерки истории СССР: Период феодализма IX—XV вв. / Под ред. Б. Д. Грекова. М., 1953. Ч. I. С. 251-258.

²⁰³ Там же. С. 258.

²⁰⁴ Там же. С. 253-258.

что древнерусская народность сложилась из отдельных «славянских племен», а потом из этой народности вывели «народности великорусская, украинская, белорусская, историческая и языковая основа которых была единой»²⁰⁵.

Один из первых историографов проблемы древнерусской народности московский исследователь (историк и частично этнолог), украинец по происхождению, А. И. Козаченко отмечает, что обобщение взглядов советских специалистов относительно древнерусской народности, сделанное Л. В. Черепниным, имело важное значение для решения проблемы в целом²⁰⁶. По существу, академическое издание под редакцией академика Б. Д. Грекова наравне с I томом «Истории Украинской ССР» (тоже опубликовано в 1953 г.) с соответствующими параграфами, написанными К. Г. Гуслистым²⁰⁷, легализовали как концепцию, так и собственно термин «древнерусская народность» в научном обращении²⁰⁸. Окончательная же политическая легитимация концепции/ теории и термина была закреплена в тезисах ЦК КПСС «О 300-летию воссоединения

Украины с Россией (1654—1954 гг.)»²⁰⁹. Здесь утверждалось, кроме прочего, следующее: «Русский, украинский и белорусский народы происходят от единого корня — древнерусской народности, которая создала древнерусское государство — Киевскую Русь»²¹⁰. В тоталитарном обществе подобные партийные тезисы приобретали, как известно, догматическое

²⁰⁵ Там же. С. 252.

²⁰⁶ *Козаченко А. И.* Древнерусская народность — общая этническая база русского, украинского и белорусского народов // Соверская этнография. 1954. № 2. С. 4-5.

²⁰⁷ *Історія Української РСР.* Т. 1. С. 40-114.

²⁰⁸ *Рыбаков Б. А.* Древние русы. (К вопросу образованию ядра древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина) // Советская археология. 1953. № XVII. С. 23-104; *Довженко В. И.* К вопросу о сложении древнерусской народности // Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953. С. 40-59.

²⁰⁹ *Юсова Н. М., Юсов С. Л.* Проблема «приєднання» України до Росії в оцінці істориків УРСР кінця 30-х — першої половини 40-х рр. // Український історичний журнал. 2004. № 5. С. 97.

²¹⁰ Тези про 300-річчя воз'єднання України з Росією (1654—1954 рр.). Схвалені ЦК КПРС. Київ, 1954. С. 16; Тезиси о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). М., 1954. С. 5.

значение, а потому понятие «древнерусская народность» было с этих пор сакрализовано и политически легитимизировано.

Исторический анализ показывает, что концепция и понятие «древнерусская народность» вошли в научный обиход вследствие созвучия некоторых результатов текущего развития исторической науки в СССР 1930-х — начале 1950-х годов соответствующим политико-идеологическим запросам коммунистического руководства страны, в частности — доктринам интернационализма и видимого равноправия народов СССР. Между тем приведенное выше изложение материала ясно показывает, что процесс создания, как собственно концепции, так и ее квинтэссенции в виде понятия «древнерусская народность», не следует сводить лишь к политико- идеологическим факторам. Взаимосвязь науки и идеологии в этом процессе была амбивалентной. Наука создавала теоретические условия для возникновения и сущностного наполнения концепции и понятия, а политико-идеологические факторы либо актуализировали научные конструкции, либо же выступали в роли катализатора разработки и (или) внедрения теоретических построений в широкий обиход этногенетики. Между прочим, сталинская националистическая теория была на грани «территорий» науки и идеологии, поскольку данную теорию следует рассматривать и как научно фундированные тезисы, и как идеологические постулаты (такими они неминуемо становились в условиях культа личности И. В. Сталина).

В этнокатегориальном аспекте сталинская теория и ее творческое развитие решала и решила вопрос в плоскости возможности образования либо существования народности (с определенными идентификационными признаками) в период разложения родоплеменного строя и перехода к классовому обществу. Но эта теория (даже в своей дальнейшей эволюции) не разрешала вопроса об общественной формации в догосударственный и раннегосударственный период истории восточных славян. Указанная проблема выработывалась во время прохождения сугубо научных дискуссий в среде советских историков в 1930—1940 годы. Победа концепта о начале феодализации Киевской Руси с момента ее образования и перехода восточных славян сразу от первобытного строя к феодальному, минуя рабовладельческий этап, открывала возможности этногенети-

кам утверждать (базируясь на творческом развитии сталинской теории), что во времена Киевского государства на основе отдельных племен или племенных союзов восточных славян формировалась именно народность — как определенная, относительно устойчивая этническая общность.

Однако и последний аспект был лишь составной частью понятия «древнерусская народность», поскольку признание этничности²¹¹ в конгломерате племен восточных славян древнерусской эпохи за признак народности еще не разрешало вопроса: что это за народность? Один из возможных ответов — традиционный для российской и малорусской историографий: народность Киевской Руси — это одна из исторических ступеней этнического развития «общерусского» народа. Для большевистской национальной политики в сфере российско-украинских взаимоотношений (белорусский аспект не играл какой-либо значительной роли) только что приведенный вариант, который разделяли большинство российских историков, не являлся идеологически приемлемым. Более приемлемой была концепция народности как общего предка («корня») украинцев, россиян и белорусов. Поэтому, кроме уточняющих этот момент дефиниций, важным оказалось подобрать более или менее корректное наименование. Таким наименованием в конечном итоге стала лексема «древнерусская», хотя и она была далекой от идеала. Ведь в российской орфографии она прописывалась через две буквы «с» и соответственно для россиян или для иностранцев звучала как хронологическое уточнение этнического развития российского народа. В украинской орфографии указанное имя прилагательное писалось через одно «с» (тогда употреблялось — «древнеруская») и соответственно это слово было ближе к историческому контексту²¹². В любом случае, под названной народностью в украинской советской науч-

²¹¹ По поводу понимания этничности как таковой и ее соотношения с так называемой культурно-лингвистической общностью можно отметить размышления современного российского этнолога-славяноведа М. А. Васильева. Подробнее см.: *Васильев М. А.* Анты, словене, немцы, греки: славянский культурно-лингвистический мир и его соседи в раннесредневековое время // *Славяноведение*. 2005. № 2. С. 3-19.

²¹² *Толочко П. П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005. С. 5.

ной и научно-популярной литературе имелся в виду «общий предок» трех восточнославянских народов, а вот в российской — далеко не всегда²¹³. Между тем дальнейшая судьба понятия «древнерусская народность» после его научной и политической легитимации не является предметом данной работы.

Таким образом, на примере данной статьи показано, как с помощью комбинированного использования опубликованных и неопубликованных источников может быть предпринята попытка реконструкции генеалогии собственно концепции древнерусской народности, а также ее составных терминологических компонентов. Привлечение источников, хранящихся в архивохранилищах РФ и Украины, дало возможность более достоверно и полно воссоздать нюансы исследуемой дискретной историографической ситуации, снять некоторые штампы, особенно явственно проявляющиеся в последние два десятилетия в современной историографии, зачастую украинской²¹⁴.

²¹³ *Ісаєвич Я.* Проблеми походження українського народу: історіографічний і політичний аспект // *Ісаєвич Я.* Україна давня і нова. Народ, релігія, культура. Львів, 1996. С. 27-29.

²¹⁴ По этому поводу см., напр.: *Юсова Н.* 1) Проблема генезиса концепции древнерусской народности в современной украинской историографии // Юг России и Украина в геополитическом контексте / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования Института повышения профессиональной квалификации Южного федерального университета и Института социально-политических исследований РАН. Ростов-на-Дону, 2007. Вып. 40. С. 178-209; 2) Проблемы генезиса концепции о древнерусской народности в современной украинской историографии (искажение историографического процесса Л. Л. Зализняком) // История идей и история общества: Материалы V Всероссийской научной конференции. (Нижневартовск, 19—20 апреля 2007 г.). Нижневартовск, 2007. С. 109-111.